

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ МОЛДОВЫ: ОТ ЛЕНИНИЗМА К ДЕМОКРАТИИ?

Молдаване были «вероятно, менее всего известной из республиканских народностей бывшего Советского Союза»¹, после Приднестровского сепаратистского конфликта 1991 – 1992 гг., на короткое время привлекая академическое внимание. Однако победа Коммунистической Партии Республики Молдова (КПРМ) на парламентских выборах в феврале 2001 г. снова привлекла внимание к Молдавской республике. Благодаря тому, что она выиграла 50 % голосов и 71 из 101 парламентских мест, КПРМ была в состоянии сформировать правительственное ядро и успешно выставить кандидатуру первого секретаря Владимира Воронина для непрямого избрания президента. Эта неожиданная победа создала прецеденты: КПРМ стала единственной коммунистической партией, открыто контролирующей все ветви национального правительства со времени падения СССР, и претендовала быть единственной европейской коммунистической партией, когда-либо приходившей к власти посредством выборов, рассматривавшихся как демократические, свободные и справедливые².

В силу того, что данный прецедент требует объяснения, его выводы не менее важны. КПРМ отчасти сохраняет неизвестную загадку. Так, литература³, анализирующая истоки «преемственной партии» и преобразование партий, которые «унаследовали преобладание источников и личный состав бывших правящих партий»⁴, едва упоминает эту партию. Несмотря на то, что эта литература также сосредоточена на «коммунистической» природе, радикализме и экстремизме явно «не реконструированных» коммунистических партий, подобных партиям в России и Чешской Республике⁵, такие вопросы до сих пор являются более острыми даже для такой партии, как КПРМ. Безусловно, многие выдающиеся аналитики должны были предсказать, что коммунисты преобразовали бы Молдавию в прорусское болото, предполагавшее «Бессарабскую Белоруссию». Наконец, долгая история Молдавии как спорной зоны между Румынией и Россией делает роль КПРМ особенно ощути-

Перевод с английского языка К.Ю. Москвиной.

¹ King Charles. *The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture*. Stanford, CA, 2000.

² Ближайший аналог – Коммунистическая Партия Чехословакии, вытравившая более 40 % голосов в 1946 г. Избирательные наблюдатели Ведомств Демократических Институтов и Прав Человека Организации Безопасности и Сотрудничества в Европе (ОБСЕ/ВДИПЧ), Европейского Института Средств Массовой Информации и Международного Фонда Избирательных Систем заметили некоторые недостатки в таких областях, как надзор за голосованием, обеспечением свободы и списков голосования, но хвалили выборы целиком. Для краткого изложения выборов, см. Хилла (2001).

³ Bozoki Andras, Ishiyama John T. *The Communist Successor Parties of Central and Eastern Europe*. Armonk, NY, 2002; Curry Jane Leftwich, Urban Joan. *Barth The Left Transformed in Post-Communist Societies*. Lanham, 2003.

⁴ Ishiyama John T. *Communist Successor Parties in Post-Communist Politics*. Huntington, N.Y., 1999.

⁵ Hashim Syed Mohsin. *KPRF Ideology and its Implications for Democratization in Russia* // *Communist and post-communist studies*. 1999. № 32. P. 77-89; March Luke. *The Communist Party in Post-Soviet Russia*. Manchester; New York, 2002.

мой, в особенности, ее отношения с каждым соседом могут явиться причиной осложнений для возможного расширения ЕС к западной границе Молдавии.

Соответственно мы сосредотачиваемся здесь на двух главных аспектах деятельности КПРМ. Вначале мы объясним возврат КПРМ к власти в 2001 г. посредством обширного обсуждения ее долгосрочной реорганизации, как конкурентоспособной политической силы. Во-вторых, мы оценим роль партии в демократизации и социально-экономической трансформации. Хотя первый срок партии в руководстве еще не завершен, ее стратегия и идеологические намерения можно временно оценить.

Длительное возрождение партии, которое будет обсуждаться, ясно поддерживает некоторые литературные ожидания касательно трансформации партийной преемственности. Более утонченный расчет, однако, должен принять в расчет как особенности национального наследия (подобно истории Молдавского государства), так и возможности постсоветской реформы. КПРМ пришла к власти отчасти вследствие преимуществ Советской эпохи и слабого укоренения демократии, и отчасти из-за сильного экономического отчаяния, а также вследствие наличия уникальной роли для «не реконструированной» преемственной партии, сочетавшую неотъемлемую часть молдавской политической элиты с образом аутсайдера по отношению к этой элите. В то же время, ее «нереконструированная» природа спорная. Партия гораздо более прагматична, чем утверждают преобладающие взгляды; до сих пор ее преобразование в постсоветскую демократическую партию остается незавершенным, что обеспечило в правительстве суровое испытание постсоветского плюрализма в Молдавии.

Советское наследие и дорога к власти. Было бы слишком просто видеть возрождение КПРМ как простую каузальную реакцию на катастрофический постсоветский экономический упадок Молдавии, как сказал президент Румынии Илиеску голос «населения на грани выживания»⁶. В конце концов, Молдавия сейчас занимает позорную позицию, являясь самым бедным государством и в Европе, и в СНГ. Ее официальная экономика насчитывает едва $\frac{1}{3}$ от величины 1991 г., около 60 – 70 % ее населения, живущего ниже черты бедности, отметили социальное расслоение⁷. Очевидно, что экономика является жизненно важным фактором для любого объяснения: так где-то еще в бывшем советском блоке, есть ценностная система благосостояния, сосуществующая с сильной ностальгией по экономическим гарантиям советской эпохи, обеспечивших главную предпосылку для возвращения посткоммунистических левых где-нибудь еще⁸. Крайняя экономическая поляризация, испытанная Молдавией, казалось, должна была бы, *a priori*, обеспечить небольшую базу для умеренной социально демократической преемст-

⁶ RFE/RL. Newswire. Bucharest, Tiraspol not Enthusiatic over Communist Victory. 2001. 28 February.

⁷ UNDP. Towards a Culture of Peace. National Human Development Report, Republic of Moldova. Chisinau: United Nations Development Fund, 2000.

⁸ Исследование Уайтом февраля 2000 г. показывает такие показательные цифры, как: лишь 6 % проявляют явное предпочтение постсоветской экономической системе, 58 % поддерживают государственное владение и 40 % говорят, что “служба безопасности” была лучшей особенностью Советской системы (White Stephen. Public Opinion in Moldova. Glasgow, 2000.

венной партии, основанной на сильном среднем классе. Вдобавок, отъезд свыше 600 – 800 тыс. молдаван работать за границу в Россию или Западную Европу (около 15 % всего населения) оставил избирателей, из которых, возможно, $\frac{1}{3}$ пенсионеры, обычно самые бедные, самые ностальгические, самые электорально дисциплинированные и, по большей части, самые прокоммунистические во всем постсоветском пространстве.

Однако одна экономика не может быть полным объяснением коммунистических успехов: до 2001 г. прокоммунистические симпатии, казалось, имели электоральную базу 20 – 30 %, не более сильную, чем в России или на Украине⁹. Смотри более широко, выявляется небольшое прямое соотношение между глубиной экономического кризиса и преобразованиями, дальнейшими успехами бывших коммунистических партий в других посткоммунистических государствах: относительно преуспевающая Чешская Республика имеет сравнительно посредственную коммунистическую партию, экономически пострадавшая Литва представила электорально успешную социально-демократическую партию в 1992 г., в то время как маленькая социалистическая партия сосуществует с коммунистической партией на Украине, но отсутствует в более богатой России.

Соответствующим образом, самые влиятельные объяснения преобразования преемственной партии оборачивались сложным взаимодействием коммунистического наследия, внутрипартийного конфликта элиты, пожертвованием партийным ресурсом и конкурентоспособной средой; от первого фактора зависимы последние, делающие способной (или нет) бывшую правящую партию эксплуатировать родовые муки переходного периода¹⁰.

Говорят, что главным наследием бывших советских государств (также как стран подобных Румынии и Болгарии) является «патримониальный коммунизм». Это клиенталистский коммунизм, присущий исторически слабо развитым, по большей части сельскохозяйственным и авторитарным странам, с малочисленными социальными силами, исключая крестьянство, которые могли противиться коммунистическому захвату власти, и неразвитыми демократическими традициями, диссидентские силы которых при коммунизме могли иметь влияние. Такие патримониальные коммунистические режимы были в состоянии приспособляться и укреплять прокоммунистические формы управления, и посредством основанного на иерархическом покровительстве власти укоренять себя в обществе гораздо более глубоко, чем коммунистические партии, столкнувшиеся с организованной оппозицией или демократическими традициями. В постсоветском периоде, патримониальный коммунизм якобы ведет к силам, пробуждающимся из коммунистического режима, будучи наделенным «искаженным балансом сил» – они сохраняют обширные покровительственные сети и эволюционную модель, что отсутствует у недавних противников, и вероятно они

⁹ Исследование Уайта также показывает, что около 16 % избирателей проголосовали бы за коммунистическую партию и около 7 % за социалистическую.

¹⁰ Ishiyama John T. *Communist Successor Parties in Post-Communist Politics*. Huntington, N.Y., 1999; Kitschelt Herbert. *Post-Communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-Party Cooperation*. Cambridge; New York, 1999.

сохранят избирательную привлекательность, менее всего основанную на прагматической действительности, чем авторитарный клиентализм и популизм (архитипичный пример – Сербская социалистическая партия).

Модель, которая описывает подобное наследие для свыше дюжины коммунистических режимов, нуждается в некоторой оговорке (например, все это еще не объясняет *prima facie* Социалистической Партии Украины и не может казаться определенным)¹¹. Сконцентрированный на наследии подход менее фокусируется на прокоммунизме и более на поствоенных и пропереходных элитарных «портативных навыках» (знания и опыт, испытания и восприятия реформы, переговоры с оппозицией) и «пригодных прошедших временах» – что разделяют исторические упоминания и ценности, привлекающие избирателей¹². Однако в случае «патримониального коммунизма» объяснение Гжимала Буссе подразумевает подобные последствия: патримониальная коммунистическая партия менее привлекает общество, имеет меньше «портативных навыков» (в смысле способности вести переговоры с населением и адаптироваться к демократическим политическим убеждениям), но в компенсацию не может полностью выйти из власти и имеет «портативное прошлое», по большей части основанное на клиенталистской привлекательности для ее сторонников. Этот подход потенциально упускает из виду идеологию (многие патримониальные коммунисты также верили в ценности системы, которая им служила) и терминология, рассматривающая патримониальных коммунистов как «неквалифицированных», кажется странной (и, неспособные адаптироваться к демократии, такие лидеры, как Милошевич, активно предпочитают темное искусство пропаганды и *аппаратных* интриг демократическим политическим убеждениям). Тем не менее, этот подход позволяет более тонкий и детальный анализ коммунистического наследия.

Сейчас возвращаясь к Молдавскому советскому наследию, мы можем видеть ясное доказательство такого патримониального коммунизма, но это не означает, что он единственный в своем роде. Молдавия, несомненно, имела минимальную демократическую историю в докоммунистические времена. Традиционно она была относительно отсталой экономически и преимущественно сельскохозяйственной частью более крупных империй. В межвоенный период Бессарабия, территория на западном (правом) берегу реки Днестр, была составной частью Румынии, сельскохозяйственной страной, где процветал крестьянский популизм, а традиции марксизма и левого крыла были чрезвычайно слабы¹³.

Молдавская Советская Социалистическая Республика (МССР) после Второй мировой войны была химерой, соединившей Бессарабию с бывшей Молдавской Автономной Советской Социалистической Республикой (МАССР) на восточном (левом) берегу Днестра, с территорией уступленной Украине. МАССР была вполне искусственным образованием, созданным в

¹¹ Grzymala-Busse Anna. *Redeeming the Communist Past: The Regeneration of Communist Parties in East Central Europe*. Cambridge, 2002.

¹² Ibidem. P. 26.

¹³ Manoliu-Manea Maria. *The Tragic Plight of a Border Area: Bessarabia and Bucovina*. Los Angeles, Calif., 1983.

1924 г., чтобы зафиксировать продолжающиеся притязания Москвы на соседнюю Бессарабию. Эта часть Украины была населена преимущественно славянами и (в отличие от Бессарабии) никогда не была частью Румынии.

Небольшая величина Молдавии, относительная экономическая отсталость, и опустошение в войне позволили Советам укоренить себя глубоко и быстро в послевоенной республике, после периода депортаций и коллективизации, что отражало тяжесть советизации на Балтике. Присутствие уполномоченной советской республики (МАССР), которая действовала как «атом социалистической реконструкции»¹⁴ в пределах нового государства имело дальнейшее долговременное наследие. Лояльным и опытным кадрам левого берега, уже испытывавшим коллективизацию и индустриализацию и являвшихся аванпостом сталинизма между войнами, предпочли новых членов из формально «буржуазной» Бессарабии, и укрепили себя как новую тщательно искорененную и советизированную элиту страны¹⁵. Новая Коммунистическая Партия Молдавии стала «слепым орудием Москвы»¹⁶, одной из самых советизированных и настолько интегрированной в систему *номенклатуры*, что служба в Молдавии стала очевидным символом верности Москве. Несомненно, что Брежнев и Черненко заслужили там презрительные прозвища. В отличие от большинства других республик, где член титульной национальности был руководителем, до 1989 г. Коммунистическая Партия Молдавии имела первых секретарей с Украины или с Приднестровья, но никогда из Бессарабии. Молдавская партийная элита была одной из самых известных в СССР коррумпированностью своих первых секретарей, протее Брежнева Ивана Бодюла (1961 – 1980) и Семена Гроссу 1980 – 1989 гг.¹⁷ Несмотря на то, что коммунистическая Молдавия была «главным зерновым районом СССР, его главным виноградником и фруктовым садом»¹⁸ и в придачу побила «Фашистское румынское боярство», ее коррупция отражалась в отсталости, относящейся во многом к СССР – на уровнях богатства, урбанизации, индустриализации и продолжительности жизни, и была больше центральноазиатской, чем европейской¹⁹.

Данная установка затем могла быть поставлена для элиты для того, чтобы предупреждать и руководить демократизацией, признавая минимальную социальную мобилизацию как во многих других патримониальных коммунистических транзитах. Напротив, упадок Коммунистической Партии Молдавии подтверждает утверждения Китчелта, во-первых, что последствия, основанные на наследственности, могут быть подорваны «единственными в своем роде внешними историческими потрясениями, особенностями склада согласованных и особых выборов руководства» и, во-вторых, то, что подавляло номинальные этнические группы, может заставить даже укрепившуюся

¹⁴ King Charles. The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture. Stanford, CA, 2000.

¹⁵ Бессарабские коммунисты, являвшиеся верным просоветским ядром Коммунистической Партии Румынии до II Мировой войны, не были приняты в Коммунистическую Партию Молдавии до самой смерти Сталина.

¹⁶ Dima Nicholas. From Moldavia to Moldova: The Soviet-Romanian Territorial Dispute. Boulder, Co., 1991.

¹⁷ King Charles. The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture. Stanford, CA, 2000.

¹⁸ Brezianu Andrei. Historical Dictionary of the Republic of Moldova. Lanham, Md., 2000.

¹⁹ King Charles. Post-Soviet Moldova: A Borderland in Transition. London, 1995.

коммунистическую партию вести переговоры или капитулировать²⁰. В молдавском случае, потрясения коммунистической партии были обеспечены позицией 56 % этнического населения Молдавии под влиянием смежной Румынии и конкурирующими целями элит на другой стороне Днестра.

Хотя внешнего признака реформы в партии не было до конца 1987 г., с 1960-х гг. присутствовали скрытые тенденции в том, что Кинг называет «тихой румынизацией молдаванских интеллектуалов»²¹. В межвоенный период МАССР отвергала притязание Румынии к Молдавии через настойчивое убеждение отдельных наций и культур (особенно посредством условия, что «молдавский» был славянским, а не латинским по происхождению, а также периодические попытки славянизировать язык). Но как только и Молдавия и Румыния попали под влияние Советов, настойчивость стала гораздо слабее. Молдавский язык отличался от румынского главным образом посредством использования алфавита кириллицы и некоторых славянизмов, в то время как более прозрачная граница позволяла румынской литературе пронизывать молдавскую культуру. Одновременно, партия осуществляла контроль за нестабильной этнической ситуацией: пока молдаване были все еще сосредоточены на менее квалифицированных и менее высоко оплачиваемых, особенно сельскохозяйственных работах, начала создавать большинство в ведущих партийных кадрах. В частности, начала появляться новая элита Бессарабии, являвшаяся молдаванами более культурно и лингвистически. Это были такие реформаторские коммунисты, как секретарь ЦК КПМ Мирча Снегур, который успешно использовал «лозунги культурного возрождения и национальной солидарности» чтобы начать вытеснять советизированные приднестровские партийные элиты²². Расколотое соперничеством и нерешительностью, коммунистическое руководство приняло заметно пассивную позицию, которая помогла радикализовать требования неофициального движения Молдавии – «Демократического Движения в Поддержку Перестройки» от интересов экологии до вопроса о поднятии статуса молдавского языка и восстановлении латинского алфавита в молдавском языке и, в конце концов, о суверенитете и конце партийного правления²³.

КПМ развалилась удивительно быстро, как только в 1989 – 90 гг. радикализировался национальный вопрос, особенно ускоренный восстанием в соседней Румынии и готовым наличием новой национальной литературы как раз на другой стороне границы. В сущности, появились три новых социальных движения, и открытое в них участие партийных руководителей начало маргинализацию партии. Передовыми были про-румыны в Народном Фронте Молдавии, усиленно поддерживаемые во многих их культурных требованиях второй группой молдаван, поддерживающих политическую автономию (но обяза-

²⁰ Kitschelt Herbert. Constraints and Opportunities in the Strategic Conduct of Post-Communist Successor Parties: Regime Legacies as Causal Argument // The Communist Successor Parties of Central and Eastern Europe. Armonk: M. E. Sharpe, 2002. P. 14-40.

²¹ King Charles. The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture. Stanford, CA, 2000.

²² King Charles. Post-Soviet Moldova: A Borderland in Transition. London, 1995.

²³ Краузер (1990) полагает, что тупик был продуктом антиперестроечной позиции группы Гроссу, и отношения реформистских сил жди – и – смотри, желающих видеть его устраненным Москвой.

тельно союз с Румынией), включая таких коммунистических реформаторов как Снегур. Последняя группа, меньшинство, мобилизованное в защиту языков и культур меньшинства, главным образом болгарских, гагаузских и русских, часто принимали просоветскую направленность в реакции на панрумынизм.

Как где-нибудь в другом месте в СССР, партийное единство было всецело, но разрушено республиканскими выборами в феврале-марте 1990 г. В Молдавии конец был ускорен открытым сотрудничеством между реформаторскими коммунистами и Народным Фронтом, который выставил кандидатуры ведущих коммунистов как своих кандидатов, и кто был способен доминировать над недавно возродившимся Молдавским Верховным Советом под их поддержкой. Снегур стал председателем Верховного Совета, *de facto* республиканским Президентом, после падения коммунистического режима в мае 1990 г. было установлено правительство Народного Фронта. Комсомольское и пионерское движение было быстро отменено. Более того, консерваторы быстро теряли контроль над тем, что оставалось от партийного аппарата. Главные группы, представляющие партийных консерваторов, были *Объединенным Единством*, а в Приднестровье Объединенным Советом Рабочих Коллективов (ОСРК). Обе были объединены оппозицией к прорумынским реформам и были под покровительством движения *интерфронта* пан-СССР, координированного *Союзной группой* на Съезде народных депутатов СССР, и вначале сотрудничали в выражении протестов, но с самого начала были организационно различными. *Объединенное Единство* имело поддержку консервативных партийных интеллектуалов, городских русскоязычных и членов *аппарата* Кишинева, со слабыми корнями в Приднестровье²⁴. ОСРК был основан на профсоюзе и управленческих структурах в производстве, сконцентрированном на восточном берегу. В то время как напряженности между прорумынским правительством Кишинева и просоветскими приднестровскими и гагаузскими областями усиливались, они бойкотировали Молдавский Верховный Совет и двигались по направлению к расколу, составляя маленькую консервативную оппозицию, продолжающую действовать внутри парламента и молдавской политической системы.

Лидеры остальной партии искали быстрого компромисса для выживания. После того, как Гроссу был устранен Горбачевым и заменен реформистом (бессарабским) Петром Лукашиным в конце 1989 г., последний устранил получивших назначение от Гроссу и проводил переговоры за круглым столом с оппозицией, твердо направляя партию на тропу демократизации в 1990 – 1991 гг., что было продолжено последним первым секретарем партии (также бессарабским) Георгием Еремеевым²⁵. Партия осудила Августовский путч (приднестровцы, что типично, поддержали его), и затем запоздало оборвала связи с КПСС. Однако это не прекратило роковое испытание для партии КПСС по всей советской территории; запрет и секвестирование ее собственности.

При господстве Народного Фронта в пределах настоящей Молдавии коммунистическая власть могла показаться совершенно законченной. Фронт-

²⁴ Dyer Donald Leroy. *Studies in Moldovan: The History, Culture, Language and Contemporary Politics of the People of Moldova*. Boulder; New York, 1996.

²⁵ Crowther William. *The Politics of Ethno-National Mobilization: Nationalism and Reform in Soviet Moldavia* // *Russian Review*. 1990. № 50. P. 183-202.

вики погрузились на «романтическую платформу»²⁶, принимая национальное возрождение, демократическую и рыночную реформу, возвращение на запад и объединение с Румынией, большая часть принятого западного мнения была и исторически оправдана, и широко популярна. Запрещенная коммунистическая партия продолжала действовать в некоторых регионах, и комитет, сформированный для оспаривания запрета, был возглавлен Владимиром Ворониным, бывшим городским партийным секретарем Тичина (Bender), более известным как глава Молдавского МВД в 1989 – 1990 гг. Большинство коммунистов в комитете были среднего положения и мало известны²⁷. В начале 1990-х проект возрождения партии казался не подающим никаких надежд, да и сам Воронин провел большую часть времени в 1991 – 1993 гг. в Москве, в МВД милицейского резерва, вернувшись только тогда, когда романтический панрумынизм стих.

Однако первой предпосылкой для конечного возврата коммунистов была неопытность лидеров Народного Фронта (являвшимися, преимущественно, писателями и интеллектуалами), которые были причиной расколов и дезертирств в новых партиях в начале 1990-х гг., в некотором роде родственных народным фронтам. Более того, их радикализм по этнолингвистическим и историческим вопросам помог спровоцировать радикальный сепаратизм из национальных меньшинств и обострил внутренние расколы внутри самого Фронта²⁸. Прямой акцент на союз с Румынией в 1990 – 1992 гг. был особо вызывающим разногласия, хотя этот взгляд соответствующе получил относительно незначительную поддержку вне интеллектуальной сферы²⁹.

В свою очередь, если радикальные националисты ранее перехватили движение за независимость, затем реформаторские коммунисты начали перехватывать радикальное националистическое движение. Аграрная Демократическая Партия Молдавии (АДПМ) была образована в октябре 1991 г. и являлась проводником для возврата многих бывших коммунистов к политике, полагаясь на партийные структуры, преимущественно обширное коллективное фермерское движение, и младшие члены сельской *номенклатуры* (особенно первые секретари сельского районного комитета). Первоначально, высшее руководство страны (теперь все реформаторские коммунисты), председатель парламента (Лучинский), премьер министр (Санхели) и президент (Снегур) объединились вокруг этой партии как сила, которая должна укрепить страну после напряжений 1990 – 1992 гг. Путем принятия примирительного подхода, старающегося навести мост между крайне правой и левой, эта партия

²⁶ Ботан И. Республика Молдова между трансформацией и статус quo – анализ десяти лет независимости (политический аспект) // Республика Молдова в европейском контексте и в аспекте безопасности. Берлин, 2001. С. 8-16.

²⁷ Author's interview with Victor Ciobanu, PCRM fraction parliamentary deputy, deputy chair of parliamentary committee on the economy. Chişinău. 2003. 3 September.

²⁸ Ботан И. Республика Молдова между трансформацией и статус quo – анализ десяти лет независимости (политический аспект) // Республика Молдова в европейском контексте и в аспекте безопасности. Берлин, 2001. С. 8-16.

²⁹ Лимиты поддержки равны примерно 10 процентам, как показано избирательным представительством таких панрумынских партий как Христианская Демократическая Народная Партия в 1990-х.

проложила дорогу Народным фронтовикам на первые постсоветские парламентские выборы 1994 г., выиграв 43 % голосов и парламентское большинство.

Более старые, более консервативные и городские коммунисты стремились к образованной в августе 1992 г. Социалистической Партии, (которая, как в России и на Украине, была по большей части занимающейся управлением коммунистами, ожидавших отмены запрета, о чем показывало исчезновение на парламентских выборах 1998 г.), или к до сих пор существующему движению *Объединенного Единства*. Со временем, падение Народного Фронта, и международное давление на принятие демократической постсоветской конституции, обеспечило благоприятную окружающую среду для отмены запрета коммунистической партии в конце 1993 г., после того, как не нашлось оснований, связывающих партию с августовским путчем 1991 г., и первого учредительного съезда партии в октябре. Хотя партия была зарегистрирована слишком поздно, чтобы участвовать в выборах 1994 г. (регистрация отвергалась, пока она не сняла пункты в своем уставе, составляющие притязание на собственность КПМ) многие из ее членов сделали вклад в усиление эффективности и АДПМ и коалиционного блока «Социалистической Партии и движения *Объединенного Единства*» в той борьбе. Этот блок постоянно возвращался к ностальгической программе, противоположной приватизации и защищавшей русскоговорящих, выиграв 22 % голосов и 27 мест (вторая крупнейшая фракция). С крошечной коммунистической долей (семь депутатов) позже преобразованной в новый парламент, и первым респектабельным избирательным показом для КПРМ на местных выборах 1995 г. коммунисты вновь обрели опору в постсоветской политике.

От реорганизации к респектабельности. Мы можем наблюдать как наследие и возможность уже поставили свою печать. «Патримониальные коммунистические» элементы советского периода могут быть увидены и в относительно запоздалой реакции консервативной КПМ на выводы *перестройки* в 1980-х гг., и в относительной неопытности Народных Фронтовиков, кто частично отставил в сторону партию в движении за независимость, но вскоре учредил, когда столкнулся с посткоммунистическими испытаниями. Основанная на едином мнении, реконсолидация партийной элиты около Аграрной Демократической Партии в начале 1990-х гг. была построена на стабильности позиции и, согласно ожиданиям «накрененного баланса сил», сложилась в пользу прежней элиты. В таких странах как Россия и Украина, главные лидеры Молдавии были в первую очередь из партии или комсомольских структур, «коммунистами нового класса», не отягощенными идеологическим балластом и готовыми приспособливаться к посткоммунизму³⁰.

Степень, до которой эта элита владела «портативными навыками» должна быть обсуждена. *Номенклатура* обладает прагматизмом и центризмом, являющимися важными факторами в социальной стабильности, но часто они являются лишь оппортунистически демократическими. Уэй видит Молдавию как случай «плюрализма за неявкой противника», посредством чего

³⁰ Neukirch Claus. *Moldovan Headaches: The Republic of Moldova 120 days after the 2001 parliamentary elections*. Hamburg, 2001. P. 11.

недемократические элиты установили формально демократическую парламентскую систему так как им не доставало силы укоренить полный авторитаризм³¹. Это кажется резким суждением, данным проевропейской ориентации большинства политической элиты, и на сегодняшний день системе демократии Молдавии, несмотря на крайнюю нищету. Тем не менее, «низкий уровень государственной ответственности» и «падение закона и морали», более всего очевидные в сильно распространенной коррупции Молдавии, указывают на обратное³². Особенности наследия Молдавии включают ее сложный этнический баланс и русско-румынские узы, которые, может быть, всегда предсказывали раскол партии на этнолингвистической и региональной основе, в то время как ее сельскохозяйственная экономика и маленький размер, несомненно, помогли реконсолидации политической элиты около АПРМ.

В то же время, мы можем точно указать много случайных или внешних последствий с дальнейшим путем, зависимым от эффектов не менее влиятельных, чем наследие. Например, задержание и быстрое освобождение приднестровских лидеров молдавским правительством в августе 1991 г. было крайне непродуктивным и только поляризовало ситуацию, в то время как решительное вмешательство в обостряющийся конфликт 14-й российской армии, было переломным для поддержания *de facto* раскола самопровозгласившейся «Приднестровской Молдавской Республики» (ПМР) из Молдавии, оба события предотвращали потенциальную сделку над автономией. Результирующая утрата около 40 % промышленного потенциала Молдавии нанесла продолжительный удар экономике страны и международному престижу, с чем должны были бороться все последующие правительства³³. Вытекающая из этого возросшая зависимость Молдавии от сельскохозяйственной продукции и ее связи с СНГ обострили экономический ущерб, перенесенный страной, последующие плохие урожаи а так же российский экономический кризис августа 1998 г., который, в свою очередь, значительно упростил возвращение коммунистов в 2001 г.

Приднестровский сепаратизм имел некоторые позитивные побочные действия, углубившие демократическую консолидацию. Как утверждает Ропер, бывшая коммунистическая партия «раскололась на широкое реформистское крыло страны и регионально сконцентрированное консервативное крыло, укрепившее свой контроль над Приднестровьем и Комратом в Гагаузии». Приднестровье стало как святыней и магнитом для большинства консервативных элементов Молдавии (и, безусловно, СССР), так и квази-государством с отдельным парламентом и авторитарной партийной системой, чьи «граждане» были помехой голосования на панмолдавских выборах. Это упростило относи-

³¹ Way Lucan A. Pluralism by Default in Moldova // Journal of democracy. 2002. № 13 (4). P. 127-141.

³² UNDP. Towards a Culture of Peace. National Human Development Report, Republic of Moldova. Chisinau, 2000. P. 27.

³³ С тех пор, фактически раскол ПМР стал зоной для провоза контрабанды, преступности и в то же время экономической депрессии, пока в 2001 – 2002 гг. более сильное сотрудничество с правительством Украины не привело к усилению таможенного регулирования, правительство Кишинева имело ничтожный контроль над стратегически жизненно важной восточной границей.

тельное единое мнение о демократической и рыночной реформах в пределах правого побережья Молдавии³⁴. Поляризация этнического конфликта в начале 1990-х гг. имела следствием создание этнического раскола доминирующим расхождением в молдавской политике, в то время как коммунистический – антикоммунистический раскол был относительно слабым, отчасти потому, что бывшие коммунисты были разбросаны во всем политическом спектре.

Это также отразилось на левом политическом спектре. Хотя сильная ниша для коммунистов может при первом взгляде показаться просто демонстрацией относительной нехватки «портативных навыков» элиты (в смысле продолжительной привлекательности допереходного периода «пригодного прошлого»), реальность более сложная. Хотя, полагаясь больше на ностальгические призывы КПРМ на переустройство, стало ясно, что она поддерживала «реалистическую политику», защищая этнические права русскоговорящих внутри политической системы. Впрочем, благосклонно настроенная по отношению к мучительному положению Приднестровского народа, она поддержала «независимость и целостность» Молдавии внутри границ МССР. В самом деле, ее лозунгом было «Республика, Народовластие и Социализм»³⁵

Дополнительной переменной был запрет партии. Относительным доказательством служит непродуктивное последствие запрета на партию, который она выдержала, сопровождаясь очищением от бывшей партийной элиты, позволив сторонникам жесткой линии избежать договоренности с посткоммунизмом, и позволив партии вновь явиться движущей силой³⁶. В случае КПРМ, определенное время также было важным, и имело двусмысленные последствия. То, что партия не боролась на национальных выборах под собственным именем до 1998 г. означало, что они могли избежать вины связи со многими политиками, заявленными до 1998 г. в парламент, и являли себя как аутсайдеры в отношении политической элиты, свою позицию они заняли в 2001 г., когда честность политиков была доминирующей темой³⁷. Однако, в то же время, это означало, что многие из ее активных сторонников или участвовали в политике под различными партийными ярлыками (как Василий Иов, министр транспорта в правительстве АДПМ 1994 – 1998 гг. и позднее вице-премьер КПРМ) или сосредотачивались на государственных должностях (как Вадим Мисин, генерал майор, глава МВД до 1998 г. и позже заместитель председателя в парламенте КПРМ). К 1998 г. коммунисты пропустили массовую приватизацию (в 1993 – 95 гг.) и деколлективизацию (1996 – 98 гг.), находясь в оппозиции, и борясь и в России и на Украине.

Возможно, этот опыт внес вклад в относительно прагматичную и эклектическую позицию партии (для коммунистической партии и, несомненно, сопоставимый с большинством постсоветских коммунистических партий).

³⁴ Crowther William. The Politics of Democratization in Postcommunist Moldova // *Democratic Changes and Authoritarian Reactions in Russia, Ukraine, Belarus and Moldova*. Cambridge, 1997. P. 282-329.

³⁵ Документы первых лет // *Коммунист*. 2003. № 30-31. 12 сентября 2003.

³⁶ Curry Jane. Leftwich, Urban Joan Barth The Left Transformed in Post-Communist Societies. Lanham, 2003.

³⁷ Hill Ronald J. Moldova Votes Backwards: The 2001 Parliamentary Election // *Journal of communist studies and transition politics*. 2001. № 17 (4). P. 130-139.

Самые электорально мощные преемственные партии кажутся теми, кто может образовать коалиционные союзы и проигравших и победителей реформы. В обеих партиях портативные навыки и пригодное прошлое входят в игру: партии должны эксплуатировать любые организационные и идеологические ресурсы по отношению к противникам и, действуя так, найти отсчет начала их роли в пост коммунизме, используя самые широкие возможности в избирательных округах.

В КПРМ, возможно, возникло меньше потребности создать коалиционные союзы, чем пользовалось большинство, вследствие значительного числа проигравших реформаторов в Молдавии. Но важной частью ее успеха являлась способность апеллировать проигравшими реформами, используя популизм и ностальгию по благополучию, а так же нахождение общего языка с некоторыми членами политической элиты. Например, влияние парламентского спикера Лучинского было важным в решении легализовать партию, в то время как Воронин поддержал Лучинского во втором раунде президентских выборов 1996 г. после того, как снял свою кандидатуру. Ведущие коммунисты принимают относительно прорыночную ориентацию, доказывая, что рынок уже является фактом³⁸.

Избирательно партия показала себя более прагматичной, чем многие ортодоксальные коммунисты где-либо еще: особенно образу избирательную коалицию с АПРМ и оставшимися социалистами на местных выборах 1999 г. В 2001 г., она включила число не партийных личностей в свои избирательные списки, тех, кто обеспечивает ее профессиональным образом, лояльностью и, возможно, финансами³⁹. Несомненно, партия разработала кооперативную, клиенталистскую связь с бизнесом, и была хорошо консолидирована даже до ее избирательной победы, имея особые интересы в секторах вина и табака⁴⁰. Отчасти это влияние Воронина. Не являясь партийным идеологом, но будучи более выдающимся на государственных постах (он был когда-то специалистом пекарной индустрии), он был гораздо менее *аппаратчик* и больше *хозяйственник* – имидж, отличающий его от многих лидеров коммунистических партий. Этот уклон возникает из ориентированной на действие и централизованной позиции КПРМ: например, партия не проводила конгресса в течение четырех лет до апреля 2001 г., и с тех пор не провела ни одного.

На бумаге программа коммунистической партии менее двусмысленна и более идеологическая, хотя все еще довольно противоречива и неопределенна⁴¹. Ортодоксальные воззрения непосредственно очевидны в испытанных и полагающихся утверждениях о конечной цели коммунизма, интернационализма, временной победы капитализма и классовой основе опоры партии, со-

³⁸ Author's interview with Victor Ciobanu, PCRM fraction parliamentary deputy, deputy chair of parliamentary committee on the economy. Chisinau. 2003. 3 September.; Author's interview with Vladimir Doronin, PCRM parliamentary deputy, PCRM central committee secretary. Chisinau. 2003. 3 September.

³⁹ Author's interview with Victor Ciobanu, PCRM fraction parliamentary deputy, deputy chair of parliamentary committee on the economy. Chisinau. 2003. 3 September.

⁴⁰ Сын президента Воронина Олег – известный предприниматель, которому часто приписывали нарушение приличий (AP Flux 2003).

⁴¹ Программа партии коммунистов республики Молдова. 2001. www.pcrm.md.

существуют с обязательствами по обеспечению социального благополучия, государственному контролю над банками, по крайней мере, частичной рекolleктивизации, участию рабочего класса в государственном управлении и «добровольном и восстановленном» союзе республик. Партия подчеркивает социально-экономическое развитие советской Молдавии от относительной нищеты и военного опустошения. Хотя здесь нет определенной преданности демократии, есть некоторые уступки, которые находятся не в ладах с общей атмосферой. Например, существует непринятие «догматизма», «тоталитаризма», «идеологической монополии» и «культы личности» с преданностью «преобразованному социализму», политическим правам и свободам, и предпринимательству за исключением в «стратегических отраслях промышленности».

Пока это едва ли позиция социальной демократической партии, также как и не программа «полностью не реконструированной» организации, и она кажется заметно менее неистовой и воинствующей, чем у российских и украинских коммунистических партий. В рамках сравнительных идеологических категорий, это, казалось бы, указывает на господство «марксистских реформаторов» типа Купцов – Селезнев, чем на не реконструированных «марксистско-ленинских модернизаторов», превалирующих в КПЧ и КПрФ, влиятельных до сих пор внутри партии, особенно в ее низших рядах. Партия, по крайней мере риторически, преодолела свои истоки как тенденция этнического российского протеста со своей позицией «молдаванин». Сейчас она требует уважать все языки, культуры и конфессии, поддерживать «суверенное, независимое, объединенное и неделимое государство», хотя программные осуждения «унионизма» и «этнофобии» указывают на скрытую озабоченность.

Коммунистическая партия нашла относительно простым эксплуатировать свою сравнительно организационную прочность в отношении других партий. Сейчас она насчитывает около 15 тыс. членов и является крупнейшей политической партией Молдавии, скорее даже единственной с развитой местной организацией, образованной путем использования той самой знаменитой коммунистической пирамиды центрального комитета, заседающего над ячейками местных партий, связанными демократическим централизмом. Численный размер и организация массового типа обычно кажутся оптимальными в пост коммунистической политике и обладают преимуществом стабильности, если соперники партии одинаково слабее. Безусловно, совершенно решающим успехом КПрМ явилось полное растворение соперников партии в 1994 – 1998 гг. В постсоветских государствах, большая часть партий представляла кланы небольшого руководства со слабыми корнями в гражданском обществе. Партийное управление было невероятно неустойчивым, с 8-ю правительствами с 1991 г. и 3 за четыре года до победы коммунистов в 2001 г. Эта тенденция усилилась в результате установленной в 1994 г. избирательной системы PR (пропорционального представительства), основанной на одинарном национальном избирательном районе, в сущности, давая партиям небольшой стимул для формирования связей с местными избирателями посредством избирательных округов. Особый факт, что 70 % депутатов парламента в 2002 г. представляли столичную элиту.

Более того, АПРМ утратила возможность остаться основной преемственной партией из-за споров руководства о процессе приватизации (и с уходом Снегура и Лучинского в 1995 г.), в то же время неспособность центристских партий объединиться на выборах 2001 г. (обостренные сокращенной избирательной компанией, исключительно, от 90 до 45 дней) означала, что только две оппозиционные партии прошли 6 % барьер в парламент и выиграли лишь 30 мест, в сущности, увеличивая преимущество победы коммунистов. Коммунисты провели относительно тихо политическую кампанию в 1998 и в 2001 гг.⁴². Их 4000 активистов работали бесплатно⁴³. Давно нацелившись на создание партийной организации в каждом районе, у них были 1000 партийных рабочих и представители от 1004 населенных пунктов, утверждавших, что пожелания фактически каждого избирателя будут выполнены в течение кампании⁴⁴. Они концентрировались на простых, прямых обещаниях этим избирателям, пока другие партии пререкались из-за более эзотерических спорных вопросов, таких как расширение ЕС.

Существуют мало детальных цифр, но все имеющееся в наличии доказательство предполагают, что к 2001 г. коммунистическая партия справилась с расширением своего избирательного округа не только количественно, но и качественно по мере того, как, экономические предприятия стали преобладающими. КПРМ не только использовала бывших социалистов, *Объединенное Единство* и аграрные голоса, но также привлекала недовольных рабочих сервисного сектора и промышленных рабочих, тех, кто прежде голосовал за центр и умеренных правых⁴⁵. Несомненно, цифры партийного членства указывали, что хотя партия все еще представляла российские говорящие меньшинства, она усиленно поддерживалась этническими молдаванами⁹. Однако, как признал Воронин, возрастной профиль партии все еще являлся серьезным спорным последствием, со средним возрастном 54,7 лет в 2001 г., и лишь 16 % членов партии в январе 2001 г. до 40⁴⁶.

В конце концов, победа КПРМ обеспечивает полезное эмпирическое доказательство для дебатов о президентализме и парламентаризме в новых демократических странах. Сутью аргумента являлась относительная выгода эффективности против президентализма, сторонники которого доказывают, что он обеспечивает ясную политическую линию и препятствует попаданию рычагов власти в руки неопытных или недемократических сил. В самом деле, все еще одним из самых частых доводов для сильного исполнительного пре-

⁴² Власть – это ответственность // Коммунист. 2002. № 74. www.pcrm.md

⁴³ Hill Ronald J. Moldova Votes Backwards: The 2001 Parliamentary Election // Journal of communist studies and transition politics 2001. № 17 (4) P. 130-139.

⁴⁴ Moldova-Azi. Communists for restoring collective ownership in agriculture. 2001. 13 November. www.azi.md.

⁴⁵ Neukirch Claus. Moldovan Headaches: The Republic of Moldova 120 days after the 2001 parliamentary elections. Hamburg, 2001. Working Paper 3. P. 9.

⁹ В январе 2001 г. состав ее членства был следующим: 52 % молдаван, 20 % украинцев, 16 % русских, 4 % гагаузов, 3 % болгар и 5 % других. Это сопоставимо с цифрами 1989 г.: 47.8 % молдаван, 20.7 % украинцев, 22.2 % русских и 2.5 % евреев.

⁴⁶ Статистические данные: состав коммунистов по возрасту (на 1 января 2001). www.pcrm.md.

зидентства является то, что оно предотвращает возвращение коммунистов⁴⁷ в России, где коммунистическая власть в парламенте никогда не осуществлялась, в настоящую законодательную или исполнительную власть. В противоположность, сторонники президентализма защищают его способность поощрять компромисс, укреплять стимулы для формирования партии и расширять политическую деятельность по ту сторону узкой олигархии, тем временем обеспечивая гарантии против единоличного диктаторства.

Конституция Молдавии 1994 г., несмотря на то, что являлась формально полупрезидентской, была на самом деле одной из самых парламентских в советском блоке, с сильным конституционным судом, частично избираемым парламентом и контролем над правительством, сочетаясь с президентским правом издания указов и роспуском законодательных органов, если они были заблокированы. При первом взгляде, слабости этой конституции более очевидны. И президент Снегур и президент Лучинский утверждали, что они нуждались в большей эффективности политики и стремились к увеличению президентской власти, в частности утверждая, что такой курс был необходим, чтобы дать иностранным инвесторам гарантию и, сожалея, что конституция 1994 г. была просто слишком демократичной, чтобы быть эффективной⁴⁸.

Конечно, утверждалось, что число выборов с 1994 г. создало далее политическую инертность, которая привела к плохому управлению⁴⁹. Так как ведущие политики были ясно соединены с партиями, в отличие от большинства чисто президентских систем, падение популярности также вносило вклад в парламентскую изменчивость и текучесть правительств. Относительная парламентская сила была продемонстрирована подавляющим решением от 5 июля 2000 г. провалить попытки Лучинского двигаться к более президентской конституции и установить косвенно избранное президентство. Однако неспособность парламента найти подходящего президента в конце 2000 г. усугубила конституционный кризис, который, в конце концов, принес выгоду коммунистам, в то время как правые и правые центра бойкотировали третье голосование от 21 декабря 2000 г., приведя к роспуску парламента президентом и созыву досрочных выборов⁵⁰. Как только коммунисты завоевали парламентскую власть, доказано, что новое косвенное избранное президентство (вовремя полученное Ворониным), позволило доминирующей парламентской силе накапливать силу относительно беспрепятственно.

⁴⁷ См.: Way Lucan A. Pluralism by Default in Moldova // Journal of democracy. 2002. № 13 (4). P. 127-141.

⁴⁸ Ботан И. Республика Молдова между трансформацией и статус quo – анализ десяти лет независимости (политический аспект) // Республика Молдова в европейском контексте и в аспекте безопасности. Берлин, 2001. С. 8-16.

⁴⁹ King Charles. The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture. Stanford, CA, 2000.

⁵⁰ С непопулярным и падающим рейтингом Лучинский, Воронин лишился двух голосов из 61, нуждался в упрочении президентства 6 декабря 2000 г. Довольно иронически, это была вероятность победы коммунистов на следующем голосовании, которое явилось причиной бойкота. Согласись оппоненты коммунистов избрать Воронина президентом, тогда его вытекающая из этого власть была бы значительно меньше, чем он получил после парламентского голосования (из этого хорошо следовали продолжительная политическая нестабильность и трения с парламентом).

Однако многое из слабой эффективности политической системы не может быть приписано к парламентской системе *по существу* (проблема Приднестровья и пропорциональная избирательная система являются некоторыми из очевидных альтернативных объяснений). По правде, итог голосования для коммунистов в 2001 г. был таким, что можно было выиграть абсолютно прямое избранное президентство, и сочеталось со слабостью оппозиции, проблемы с самонадеянным господством нового исполнительного органа могли возникнуть даже с самой различной политической системой. Также возможно, что парламентская система может рассматриваться как усугубляющая выше отмеченное внедрение коммунистов в политическую элиту. Коммунисты были вынуждены заниматься парламентской игрой в парламенте 1998 – 2001 гг., и предоставили трех министров правительству Брагиса с декабря 1999 г. по январь 2001 г., пока Воронин являлся для Лучинского кандидатом в премьер-министры в ноябре-декабре 2000 г. после того, как партия смогла преодолеть недоверие в правительстве Стурзы. Несомненно, что преданность КПРМ «парламентской республике» как самой отвечающей нуждам народной власти⁵¹ проявляется заметно сильнее чем, скажем, преданность российской КПРФ, которая, хотя и вполне внедрена в Российской Думе, остается скептической, сохраняя строгую преданность крайне парламентским политическим убеждениям и пожертвовав с 1993 г. лишь горстку своих членов правительству. Однако доминирование КПРМ над парламентом с февраля 2001 г. ясно поставило бы ее преданность парламентаризму сильному испытанию.

Молдавские коммунисты и демократия. Обычно в развитии посткоммунистической демократии преемственным партиям приписываются некоторые роли. Хантингтон отмечает, что политические оппозиции обеих сторон спектра могут играть главные роли в демократизации⁵². Во-первых, путем мобилизации поддержки более обездоленных и недовольных посткоммунистической переменой, которые могут оказать систематическую поддержку оппозиции правых или левых. Многие эксперты отмечают, что наличие значительного числа систематических оппозиций просто указывает на значительные силы и пропорции избирателей, не верящих, что демократия «единственная игра в городе»⁵³. Во-вторых, оппозиции имеют возможность социализировать разочаровавшихся в нормах нового государственного устройства и, таким образом, обеспечить институционализированную массовую поддержку для нового государственного устройства. Преемственные партии имеют, кроме того, роль представления экономического недовольства потерявших материально в течение переходного периода без угрожающей демократии. Действуя таким образом, они могут обеспечить «национально подлинный социализм переходного периода», который представляет укоренившуюся культурную социалистическую ценность в формах, которые не явля-

⁵¹ Политический отчет ЦК ПКРМ четвертому (XXI) съезду 2001. www.pcrm.md.

⁵² Huntington Samuel P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, 1968; Ishiyama John T. *Communist Successor Parties in Post-Communist Politics*. Huntington, N.Y., 1999.

⁵³ Dawisha Karen. *Research Concepts and Methodologies // Democratic Changes and Authoritarian Reactions in Russia, Ukraine, Belarus and Moldova*. Cambridge, 1997. P. 40-68.

ются ни возвратом к ленинизму, ни полным импортом западной социальной демократии. В результате, подразумевающийся уклон вправо первоначальной капиталистической либерализации может быть исправлен, и может возникнуть более сбалансированный политический спектр⁵⁴.

Можно установить степень, до которой преемственные партии фактически вносят такие разнообразия. Боско и Гаспар⁵⁵ утверждают, что для того, чтобы играть эту роль, они должны идеально пройти трехступенчатый процесс. Сначала они должны сами принять демократический режим; во-вторых, они должны быть признаны другими демократическими игроками; наконец, они должны проводить свое новое направление на практике в новую демократию, играя значительную политическую роль (особенно в правительстве). На практике этот тип идеала может быть оспорен: в то время как возврат к власти партий, таких как социально-демократическая партия Польши СЛД, может рассматриваться как вклад в демократию⁵⁶, многие наблюдатели и внутренние силы не доверяли их вероятной преданности, пока они не завоевали пост в течение своего правления и только когда оставили его, что, несомненно, было демократично. Также существуют примеры партий, не обладающих демократической преданностью, но находящихся под давлением обстоятельств, будь это политическая оппозиция или международное давление (как социалистическая партия Болгарии).

В случае «ортодоксальных» коммунистических преемственных партий, ситуация еще более заметна. Не только в XX в. прецедент коммунистов, завоевавших власть посредством «демократических фронтов» (хотя и затем поддерживались силой оружия) глубоко недемократичных; но степень, до которой эти партии всегда принимают демократию, очень сомнительна и сложна для измерения. Несмотря на то, что некоторые утверждают, будто коммунистические партии не являются партиями против системы в смысле желая изменить политический режим и будучи противопоставлены ценностям и институтам того режима⁵⁷, но это часто далеко не оправдывается. С одной стороны, эти ортодоксальные партии часто «играют по правилам игры», становясь неотъемлемыми частями избирательного цикла и парламентского сражения, таким образом, помогая укрепить ключевые демократические институты. Более того, с тех пор как они разделяют общее прошлое с другими элементами посткоммунистической элиты и их электорат по большей части пожилой, консервативный и деморализованный, у них отсутствует настоящая революционная динамика, и это часто приводит к компромиссу, который может в дальнейшем укреплять консенсуальные и конституцио-

⁵⁴ Mahr Alison, Nagle John D. Resurrection of the Successor Parties and Democratization in East-Central Europe // *Communist and post-communist studies*. 1995. № 28 (4) P. 393-410.

⁵⁵ Сравн.: Bozoki Andras, Ishiyama John T. *The Communist Successor Parties of Central and Eastern Europe*. Armonk, NY, 2002.

⁵⁶ Bunce Valerie. *The Return of the Left and Democratic Consolidation in Poland and Hungary* // *The Communist Successor Parties of Central and Eastern Europe*. Armonk: M. E. Sharpe, 2002. P. 303-322.

⁵⁷ Bozoki Andras, Ishiyama John T. *The Communist Successor Parties of Central and Eastern Europe*. Armonk, NY, 2002; Hashim Syed Mohsin KPRF Ideology and its Implications for Democratization in Russia // *Communist and post-communist studies*. 1999. № 32. P. 77-89.

нальные формы правительства, несмотря на проводящийся в относительно пассивных и формальных выражениях политический протест.

Однако преданность «коммунизму», хотя бы риторическая, подразумевает реваншистскую экстра-систематическую ориентацию в посткоммунистическом контексте, принятую многими избирателями и потенциальными коалиционными партнерами, которые могут видеть преданность партии демократии такой неискренней так долго, как она носит свое имя. Их возражения могут иметь дальнейшую обоснованность, учитывая присутствие значительного числа радикалов внутри партийных рангов, кто может искренне верить программным целям партии. Приверженность партии демократическому централизму в дальнейшем мутит воду: такая дисциплина имеет крепкую репутацию поддержки авторитарных тенденций внутри партии, несмотря на дальнейшие сложности для наблюдателей оценить реальные выгоды членов. Однако в посткоммунистическом контексте, хорошо известная «фирменная марка», приверженные члены и консолидированное руководство являются, безусловно, редким товаром, легко не сдающимся.

Недоверие коммунистов может подорвать партию частыми, очень пагубными последствиями: президенты и России и Украины оправдали очень недемократическую тактику во избежание коммунистической угрозы, пока ограничение не дает партиям ни много положительного опыта демократических политик, никакого реального стимула социализировать своих членов в ее нормах. Отвержена любая перспектива управления или значительная роль в создании политики, эти партии свободны делать безответственные несистематические обещания своим членам и играть роль протестующих партий, пока главные импульсы для изменения внутренние, а не значительно более непредсказуемые внешние испытания управления.

Партия в оппозиции: коммунизм с неясными характеристиками. Анализируя воздействие КПРМ на демократию, мы можем видеть много вышеуказанных спорных результатов в действии: крепкая преданность партии коммунистическому самосознанию и организации была только частично компенсирована относительно прагматичными, умеренными элементами в тактике и идеологии. Испытания поста, однако, вынудили партию в первые несколько месяцев в правительстве изменить больше, чем, возможно, во всей ее истории до настоящего времени. Смешанные стимулы и нерешенный политический профиль стали причиной по большей части непоследовательной правительственной программы, с партийным отношением к развивающейся демократии, но ясно неконсолидированной и во власти обстоятельств.

До прихода к власти, есть прочные основания для формулировки, что КПРМ была уже полулояльной партией, а не антисистемной или предательской. Это понятие очень сложно выделить, так как оно часто является переходящей стадией между более сильным радикализмом и более полными демократическими обязательствами и в обществах характеризующиеся низким доверием, единое мнение является легко сделанным обвинением. Тем не менее, «полулояльная» партия может быть определена как партия, обладающая многими элементами просистемной ориентации (в рамках обязательства конституционализму, избирательной процедуре и не насилию), которая является

двусмысленной вследствие других обязательств и практик (как сотрудничество с экстремистами, дихотомия между обязательствами народной демократии и скрытыми практиками, и устремление для не демократических долгосрочных целей, что разрушает краткосрочные обязательства⁵⁸.

В случае КПРМ показные демократические обязательства могут быть рассмотрены и в гуманистических элементах партийной программы, ее обете парламентаризму, ведущей роли среди относительно умеренных и «органической оппозиции»⁵⁹, связанной личными и финансовыми связями к поддержанию постсоветского режима. Ее парламентская практика была более двусмысленна: часто партия была готова к компромиссу и переговорам, но ее риторика и стиль был часто менее консенсуальным, так как она стремилась изображать себя как аутсайдера по отношению к политической элите. Более того, главные проблемы возникали вследствие основной неясности двухстадийного транзита партийной программы к социалистической структуре: первая «основная демократическая стадия», обещавшая работать с «прогрессивными силами» и сохранять «много-слойную» экономику, вторая, обещавшая «преобладание социалистической структуры» в экономике и «ее ориентацию на максимальное удовлетворение нужд рабочего класса», пока ничего не говоря о демократии. Такие обещания могли быть определены двумя путями: или рыночные механизмы были временными до начала полного социализма, или социализм был целью для очень далекого будущего. Само собой разумеется, пока оставалась эта неопределенная долгосрочная задача, можно было утверждать, что цели партии были недемократичными, а ее общественные и отдельные личности дихотомическими.

Полулояльная оппозиция полудемократическому правлению. Сама победа коммунистов углубила неясность. В своей избирательной компании коммунисты создали довольно умеренную шумиху, обещая технократическое правление, уважающее все формы владения, что «все, кто не против нас, те с нами» и, в конце концов, изложили гражданские и человеческие права как первоочередные «современной социалистической идеологии», пока Воронин заявлял, что он осознает, что многие избиратели проголосовали за партию из протеста, а не за ее программу⁶⁰. Даже так, такое голосование за коммунистов указало по меньшей степени на глубокое освобождение от иллюзий в отношении политического процесса, с худшей – недовольство от демократии и авторитарного выбора⁶¹.

⁵⁸ Linz Juan J., Stepan Alfred C. The Breakdown of Democratic Regimes. Baltimore, 1978.

⁵⁹ Sakwa Richard. The Russian KPRF: The Powerlessness of the Powerful // The Communist Successor Parties of Central and Eastern Europe. Armonk, 2002. P. 240-267.

⁶⁰ См.: Воронин Владимир. Ваша судьба – в ваших руках! 2001. www.pcrm.md; ПКРМ: два года у власти 2003. www.pcrm.md; RFE/RL Newsline. Voronin Re-elected Moldovan Communist Leader. Vol. 5. No. 78. Part II. 2001. 23 April.

⁶¹ Электоральное представление по этому вопросу является довольно двусмысленным. Исследование Уайтом февраля 2000 г. показало поддержку большинством демократии как идеальной системы, сподвижники и оппоненты реставрации коммунистической системы 39 против 55 %. Однако, около 59 % поддержали сильного лидера и избавление от парламента (White, 2000). В апреле 2002 г. исследование Института Общественных Политик обнаружило, что 54 % чувствовали, что Молдавии была нужна однопартийная система, только 10 % – многопартийная (Jamestown Foundation Monitor, 2002)

Как только партия оказалась на посту, она унаследовала противоречащие друг другу побуждения. Хотя президентство было ослаблено, факт, что его обладателем был член доминирующей партии, структурированной на базе строгой внутренней дисциплины, созданной Ворониным, формально, по крайней мере, могущественный президент готовый применить свою программу в действии. С 71 местом, на 3 больше, чем конституционное большинство, это было самое могущественное парламентское большинство, которое Молдавия знала на сегодняшний день. С другой стороны, партия столкнулась с потенциальной проблемой политической неопытности, с большей частью своих депутатов, отслуживших только один срок в парламентской оппозиции, и лишь 30 из 71 отслуживших в предыдущем парламенте. Более того, партия признала воздействие на дальнейшее развитие демократии с ограниченным давлением: парламентская оппозиция была разгромлена, гражданское общество было печально слабо, решение острых социально-экономических проблем и единство государства были, очевидно, высшими приоритетами, необходимыми, но, возможно, не достаточными для содействия демократии.

По мере того, как коммунистическое правительство эволюционировало в первую половину своего срока, его политика стала заметно противоречивой, с поразительным числом возвратов, небезопасными и нереализованными политическими обязательствами, ее мнимой силы, и которой мы можем здесь подвести итог только относительно бегло⁶². Некоторые критики даже утверждали, что в сердце правительства был «кризис идей»⁶³.

Во внутренней политике зигзаги были очевидными внутри общей тенденции к большей централизации, патернализму, напряженности и неоспоримому «ухудшению демократии»⁶⁴. Правительство стремительно двигалось к проведению в жизнь трех ключевых пунктов своей правительственной программы. Два самых противоречивых включали предложения сделать русский вторым государственным языком (как противопоставленный его официальному статусу «языка межэтнической коммуникации») и заменить в школах историю румын историей молдаван. Объединенные, эти предложения в январе-апреле 2002 г. спровоцировали крупнейшие и продолжительнейшие демонстрации (якобы до 40.000) со времени независимости молдавской столицы, на которую коммунисты отреагировали, отстраняя от должности членов Христианско-Демократической партии, главного подстрекателя протестов. И запрет и предложения были аннулированы после вмешательства Совета Европы, который назначил постоянный круглый стол для содействия диалогу оппозиции режима, инициативность по большей части правящей парти-

⁶² Относительно оживленный анализ был представлен в докладе *Разведывательного Экономического Союза страны* в 2001 – 2003 гг. Ежегодный доклад Дома Свободы «*Нации в транзите*» – отчасти более критическое демократическое развитие Молдавии.

⁶³ Чубашенко Дмитрий. Шагреневая кожа Владимира Воронина // Молдавские ведомости. 2003. 10 сентября. С. 1-2.

⁶⁴ Jackson Bruce. US NATO Committee Chairman Bruce Jackson quoted in 'US NATO Committee Chairman on Moldova' // RFE/RL Newslines. Vol 6. No. 38. Part II. 2002. 27 February.

ей игнорировалась. Конституционный Суд также не признал инициативу государственного языка. Многие западные эксперты упускали из виду, что это были коммунистические избирательные обязательства, которые партия чувствовала себя обязанной выполнить, которые имели некоторую общественную поддержку (хотя меньше среди менее советизированного молодого поколения), и, безусловно, были предложены более ранними не коммунистическими правительствами. Тем не менее, их предложение в первый год правления предполагало бесчувственный и вызывающий разногласия стиль, напоминающий многие из романофобских периодов в прошлом партии⁶⁵. Это впечатление было усилено отказом правительства зарегистрировать меньшинство прорумынской Бессарабской Православной Церкви до ее удачной апелляции в Европейский Суд по Правам Человека в октябре 2001 г.

Далее партия провела административно-территориальную реформу, возвращая 13 крупных графств, введенных в 1998 г. с советской системой 32 меньших района, которые просуществовали до настоящего времени. Оправданные отчасти на базе приносящего плоды правительства быть ближе к народу и урезывая административные ноши, и снова выполняя избирательное обещание, эти реформы навлекли на себя широко распространенное осуждение, особенно Совета Европы, на ограничение местной автономии и введение «механизма жесткой вертикальной власти»⁶⁶).

Несомненными были признаки повторного давления на свободные средства массовой информации, закрытия опасных каналов и запугивание критичных журналистов на государственном Теле-Радио Молдавии. Государственный контроль над электронными средствами информации был особенно очевиден на местных выборах 2003 г., когда государственные средства массовой информации были открыто пристрастны в пользу кандидатов КПРМ, в противоречие избирательному кодексу. В то же время, правительство уделило намного меньше внимания массовым средствам печатной информации, с ее заметно меньшим тиражом⁶⁷. Некоторые более независимые журналисты утверждали, что такое давление существовало ранее, и что, в сущности, изменилось немного⁶⁸.

Самое заметное посягательство на демократию с самыми долгосрочными угрозами, однако, было в судебной сфере. Воронин усилил свои полномочия в назначении новых судей, была широко распространенная чистка секторов юриспруденции чтобы показно вырвать с корнем коррупцию, согласно с чем Воронину было предоставлено право «принимать на себя прерогативы обвинителя или даже судьи»⁶⁹. С ущемлением прав человека и попыт-

⁶⁵ 28 % совершеннолетних поддержали обязательное изучение русского в начальной и средней школах (65 % за необязательное). Назначение официального статуса русскому было очень спорным вопросом, равно поддержанным и опровергнутым 46 % (Jamestown Foundation Monitor, 2002)

⁶⁶ Нации в транзите (Nations in Transit). New York, 2003.

⁶⁷ Чубашенко Дмитрий. Шагреневая кожа Владимира Воронина // Молдавские ведомости. 2003. 10 сентября. С. 1-2.

⁶⁸ Tanas Alexander. Author's interview with Alexander Tanas, Chief Editor, Infotag News Agency. Chisinau. 2003. 4 September.

⁶⁹ 2003 Избирательный Год. www.e-democracy.md (website of ADEPT (Association for Participatory Democracy))

ками ограничить полномочия конституционного суда, оказалось, что «принцип правления закона был под испытанием»⁷⁰.

В экономической сфере были подобные противоречащие импульсы. Довольно странно для коммунистической партии, что небольшая часть партии ратифицировала присоединение к ВТО вскоре после их победы и фактически следила за возросшей приватизацией винного и табачного секторов, хотя также были угрозы ренационализации и слухи о планах полностью отменить фермерскую деколлективизацию 1990-х гг.⁷¹. Ранее умалив значение МВФ и Мирового Банка как «инструментов американского империализма»⁷² правительство вступило с ними в диалог, несмотря на то, что, в конце концов, было отказано в получении соглашения на возобновление оплат в 2002 – 2003 гг. Несмотря на нависающую угрозу невыплаченного долга, экономика продолжала оставаться неустойчивой, несмотря на то, что относительный успех партии в выплате задолженностей заработной платы изолировал бы избирателей от экономических потрясений в более короткий срок.

В иностранных делах противоречия, возможно, были сильнее. Придя к власти, обещая сделать Россию стратегическим партнером Молдавии (с намеренно неопределенным обещанием рассмотреть вопрос о присоединении к Российско-Белорусского Союзу), партия имела все признаки быть анти-западной. Это расходилось во взглядах с господствующей тенденцией единого мнения присоединения к ЕС, и было открыто презрительно по отношению к международным институтам по приходу к власти⁷³.

В апреле 2001 г. Воронин пригрозил превратить Молдавию в «европейскую Кубу», если бы была угроза коммунистическому правлению, пока партийные лидеры были очень критичны по отношению к Пакту Стабильности НАТО⁷⁴. Еще в течение двух лет прихода к власти, Воронин провозглашал, что интеграция ЕС была главным стратегическим направлением страны и Молдавия предложила поддержку проводимой США операции в Ираке, вопреки внутреннему общественному мнению.

Что произошло после? Если последовательная стратегия может быть определена вообще, это желание Воронина (в манере, очень напоминающей Путина, кому он на словах вторил в его желании «диктатуры закона»)⁷⁵ обеспечить консолидацию для очень разделенного общества и административным декретом и обеспечением социального единого мнения как первый шаг для разрешения более обширных проблем Молдавии. Следовательно, это заключало потребность разрешить этот самый комплекс вопросов самосознания и истории, и первостепенной задачи реинтеграции Приднестровья внутри молдавского государства. Поддержка ЕС, возможно, дает партии и правительству решающую телеологию, что до на-

⁷⁰ Нации в транзите (Nations in Transit 2003). New York, 2003.

⁷¹ Moldova-Azi. Communists for restoring collective ownership in agriculture/ November 13 2001. www.azi.md.

⁷² Лабиринт молдавских политиков (Moldovan Politics Labyrinth). 2002. 18 November. www.e-democracy.md

⁷³ Симптоматически, КПРМ не подписала июньский документ 2000 г., поддерживающий стремление Молдавии присоединиться к ЕС, подписанный 23 партиями и движениями.

⁷⁴ Модернизация правящей партии. 20 June 2003. www.e-democracy.md

⁷⁵ Воронин Владимир. Голодный человек не может быть свободным (речь Владимира Воронина к Молдавскому Парламенту 1 декабря 2000). www.pcr.md.

стоящего времени отсутствовало, будучи одновременно экономически благотворной, и поддержанный общественным мнением, особенно молодежи. Это, однако, едва реалистичный проект, по крайней мере, для среднего будущего и отчасти находящийся в противоречии с внутривластным направлением партии.

«Колебания» партии могли стать причиной противоречий. Особенно важным может быть продолжающееся безвыходное положение по вопросу Приднестровья. Как исконный этнически русский глава партии, обещавшей защищать русскоговорящие меньшинства, Воронин мог надеяться на некоторое воздействие на отношения России и Приднестровья. Взамен возобновленный «холодный мир» следовал с 2001 г. между Ворониным и лидером ПМР Игорем Смирновым. Это кажется, по крайней мере, отчасти личным, но также отражает отсутствие интереса у ПМР и России в достижении быстрого решения. В ответ, Воронин усиленно искал на западе помощи, видя ЕС (через такие действия, как давление на Украину усилить таможенный контроль на Приднестровской границе) владеющим более практическим эффектом. Правительственная риторика находилась на уровне возможного. Воронин включил некоторых не коммунистов из числа правительственного и президентского штата. Это направлялось на обоснование его обещаний технократической не коммунистической администрации, но было, возможно, одинаково приведено в действие из-за отсутствия квалифицированного коммунистического штата и потребностью укрепления его личного контроля.

Понятно, что партия столкнулась с возрастающими внутренними спорами по ее направлению. В мае-июне 2002 г. Воронин начал поиск нового направления партии, настояв, чтобы партия отказалась от «синдрома оппозиционности» на выборах⁷⁶. Детали этого нового направления не были широко приданы гласности, но Воронин сильно поддерживал китайский коммунизм как подлинный образец сочетания коммунизма с капиталистическими характеристиками в правительстве. Воронин и другие ключевые лидеры (включая главу фракции и передового депутата партии Виктора Степанюка, как правило, партийный консерватор) якобы говорившие позитивно о социальной демократии, чтобы только убрать заявления. Члены высшего ранга, однако, надеялись на опору коммунистов СНГ, Русскоцентристского «Союза Коммунистических Партий – Коммунистическая Партия Советского Союза» для вдохновения. Другие члены партии критиковали подозреваемое отсутствие у партии внимания к этой программе и предупреждали партию остерегаться миротворцев, как это было сейчас в кабинете. Несмотря на то, что некоторые критики приписывали «мошенничество» и призывали новую истинную ленинскую партию⁷⁷, партийный раскол оставался крайне маловероятным, пока Воронин оставался избирательно популярным, а партийное руководство ясно консолидированным.

Поначалу, воздействие правящей партии на демократию было негативным, хотя и не таким недвусмысленным. Движения во внутренней политике едва составляло абсолютное изменение демократических свобод, но такие сво-

⁷⁶ Политический отчет ЦК ПКРМ четвертому (XXI) съезду (2001). www.pcr.md

⁷⁷ Чекан М. Слово в защиту правды советской истории // Молдавские ведомости. 2003. 6 Сентября. С. 3.

боды не были консолидированы в дальнейшем. Коммунистическая природа партии была потенциально поляризующимся вопросом, провоцирующим недоверие партии (даже когда она осуществляла политические тактики, заявленные предыдущими правительствами), оставляя заложником максималистской программы для избирательного выполнения. Вопрос был централизующим, основанном на темном покровительстве политического стиля партии и президента. Правительственные министры часто и без объяснения были увольняемы, только 7 из 17 остались к апрелю 2003 г., возможно, как козлы отпущения для политических неудач. Личные тактики отозвались эхом Брежневской политики «кадры решают все». После всего, одна целеустремленность для административной реформы была очевидна: обеспечить больше работ для партийных лоялистов. Около 30 % местной администрации было заменено в процессе, и эпоха советской административной системы как раз отражала, как региональные партийные организации были структурированы. Возросшее число партийных членов, получивших назначение в судебной системе, означало бы небольшой прогресс против коррупции. Верность, следуя критикам, являлась главным критерием для правительства и партийной службы (с *компроматом*, легко добываемым для бывшего полисмена как Воронин, якобы привыкшего сохранять верные кадры). В конце концов, в отсутствии сильной оппозиции, за исключением случая на улицах Кишинева, временами только внешнее давление казалось способным предотвратить дальнейшее вторжение правительства на демократию.

Правительство при такой неконсолидированной партии высоко рискованно. Линз отмечает, как полулояльные партии могут сами спровоцировать взаимное недоверие, и поляризацию так же часто, как и полностью лояльные партии⁷⁸. При худшем сценарии, политический провал, экономический спад, внешнее безразличие и продолжающееся ослабление, но высказывающаяся открыто оппозиция могли снова привести к более решительному утверждению авторитаризма. Однако увеличивающаяся нехватка интеграции между программой и политическими тактиками встревожила некоторых членов партии и усугубила нехватку стратегической ясности, опыт кабинета явно принуждал партию сделать некий тяжелый выбор между прагматизмом и принципом и, в конечном итоге, искать более устойчивую комбинацию обоих.

Несмотря на такие риски, для долгосрочной консолидации для коммунистов возможно более конструктивное управление, чтобы затем остаться как блокированная оппозиция как в России и на Украине, где коммунисты имеют удовольствие постоянной оппозиции, малый риск в политической системе, и едва прививают своим сподвижникам демократические ценности. По крайней мере, при правительстве КПрМ, такие избирательные округа добились представительства и возможных связанных с политикой выгод. Однако возрастающая оппортунистическая и пылкая идеалистическая коммунистическая поддержка расширения ЕС, предложила основу для социальной консолидации, теперь эта идея была разделена другой стороной политического спектра⁷⁹. Тем не

⁷⁸ Linz Juan J., Stepan Alfred C. The Breakdown of Democratic Regimes. Baltimore, 1978

⁷⁹ Author's interview with Igor Botan, Executive Director, Association of Participatory Democracy, Chisinau. 2003. 4 September.

менее, поддержание дихотомии политической программы партии продолжило бы подозрение и в дальнейшем риск разочарования избирателей. Несмотря на кажущуюся готовность верховных руководителей допустить программные послабления, возник небольшой шанс разрешения дихотомии у власти: риск партии и парламентского единства выставить такие нелегкие вопросы на более широкое обсуждение, что составило бы одно из самых сильных достоинств коммунистической партии. Возможно, только будущий период в оппозиции смог бы завершить внутрипартийный транзит, начатый в кабинете.

Заключение. Возвращение молдавских коммунистов к власти десятилетие позже того, как они были запрещены, подтверждает некоторые ожидания существующей литературы по коммунистическому наследию, но также четко показывает потребность объяснить и национальные особенности и события контингента. Патримонильное коммунистическое наследие в Молдавии может быть рассмотрено в ретроспективе роли групп и индивидов с коммунистическими предисториями и близкими связями с продолжительными признаками клиентализма и слабостях гражданских общественных групп. Посткоммунистические президенты Молдавии являются тому свидетельством: секретарь бывшей коммунистической партии ЦК (Снегур), бывший первый секретарь коммунистической партии (Лучинский) и первый секретарь настоящей коммунистической партии (Воронин). Используя идеологическую привлекательность и организационную силу, полученную от бывшего режима, коммунистическая партия, вероятно, всегда имела склонность к более гладким избирательным системам и более слабым оппонентам и ограниченные стимулы к стратегической трансформации. Однако тяжесть молдавского экономического коллапса, неспособность правящих партий считаться с проблемами страны и способность коммунистов избежать вины за это бессилие, были жизненно важными возможностями непосредственно предшествующими их избирательному успеху.

Однако период социальной мобилизации 1988 – 1992 гг. был решающим. Хотя провалилась институционализация выдержанного и сильного гражданского общества, этот побочный эффект затем расколол партию, как только элита была вынуждена обратиться к этнолингвистическому вопросу, несмотря на склонность Народного Фронта к панроманизму, и начатые западные и демократические устремления, разделявшиеся большинством политических сил Молдавии. Исторические особенности Молдавии усугубили распад партии в региональной, лингвистической и культурной областях, пока появление реакционного государства в Приднестровье помогло консолидировать большинство партийной элиты в Кишиневе вокруг компромисса и национальной консолидации, решительно принимая парламентскую систему, которая должна была помочь коммунистам постепенно восстановить их политическое влияние. Хотя вновь появившаяся коммунистическая партия Молдавии была часто благосклонно настроена по отношению к точке зрения Приднестровья, она разделяла направленность к усилению молдавского государства и была организационно отличной от положения Приднестровской партии. Хотя она приняла консервативную позицию, члены верховного руководства КПРМ не были абсолютными реакционерами и имели близкие связи с бывшей партийной элитой в Кишиневе, что означало, что их практика, возможно, всегда была более прагматичной, чем их предполагаемые политические тактики.

Хотя коммунисты одержали решительную победу в 2001 г., это едва ли означало, что Молдавия проголосовала за коммунизм, хотя это, безусловно, указывало на глубокое отчаяние с постсоветской переменой. Не было ни самых тревожных предсказаний “ресоветизации Молдавии”⁸⁰, ни подтверждения “изменения региональной карты”⁸¹, хотя симпатизирующая линия по направлению к России и антагонизм к Румынии были неизменными во внешней политике нового правительства. Озабоченность западных обозревателей о нехватке у партии демократической квалификации имело прочную основу, особенно в личном составе, партийной политике и в политическом стиле, но показала свою восприимчивость к западному давлению и одобрению, и была менее склонна ущемить свободы в экономической сфере, ее внешняя политика постепенно отдала приоритет европейскому направлению, хотя и в противоречие многому в ее внутренней политике.

Хотя как это не парадоксально, возвращение коммунистов к власти демократическими средствами предполагает более долгий срок реализации большей демократической консолидации, не только путем укрепления власти в области электората и укрепления эффективности исполнительной власти, но и путем ускорения программной трансформации в политике партии, и интеграции разочаровавшихся избирателей в поддержку режима. Однако при столкновении с трудноразрешимым множеством социально-экономических проблем при ослабленном политическом давлении оппозиции, способность КПРМ адаптироваться и умиротворять разочаровавшихся избирателей и реализовать любые возможности неясна, в то время как нехватка убежденных и убедительных демократических намерений сеет все еще большие сомнения на их разрешение без постоянного внешнего наблюдения и поддержки.

⁸⁰ Kuzio Taras. Back to the USSR; Russia Helps Moldova Follow Belarus' Lead // Jamestown Foundation Prism. Vol 8. Issue 3. 2002. March 31.

⁸¹ Shafir Michael. Moldova's Elections: Redrawing the regional map? // RFE/RL Newsline. Vol. 5. No. 45. Part II. 2001. March.